

КОНТИНЕНТАЛЬНАЯ БЛОКАДА И РУССКАЯ ЭКОНОМИКА

(Обзор французской и советской литературы)

В обширнейшей историографии эпохи наполеоновских войн видное место занимает литература о континентальной блокаде 1806—1813 гг. Несмотря на накопление большого количества исследований за более чем 150 лет, дискуссии вокруг блокады не утихают. Из большого круга спорных вопросов мы выделим, на наш взгляд, два главных, тесно связанных между собой: 1) Была ли блокада стимулятором капиталистического развития и как таковая средством экономического объединения огромной наполеоновской империи и ее союзников? 2) Каковы объективные последствия блокады для отдельных ее участников? Способствовала ли она развитию капитализма в Европе (в частности, в России)?

На первый вопрос большинство современных французских историков говорит столь же категорическое «да», сколь советские историки — «нет». По второму вопросу мнения как во Франции, так и в СССР расходятся, что подтверждает необходимость тщательного изучения влияния блокады на конкретные страны, сравнительного анализа состояния промышленности и даже отдельных ее отраслей, финансов, торговли до и после присоединения к блокаде. Положение осложняется тем, что если в отношении Франции, Италии, Англии мы имеем капитальные исследования Е. В. Тарле и Ф. Крузе¹, то влияние блокады на Россию в советской историографии представлено пока лишь первой частью капитального исследования покойного М. Ф. Злотникова о последствиях блокады для русской внешней торговли и частично финансов². Большое значение имеет также публикация доку-

¹ Е. В. Тарле. Континентальная блокада. — Сочинения, т. III. М., 1958, он же. Экономическая жизнь королевства Италии в царствование Наполеона. — Там же, т. IV. М., 1958; F. Crozet. L'économie britannique et le blocus continental (1806—1813), t. 1—2. Paris, 1958.

² М. Ф. Злотников. Континентальная блокада и Россия. М.—Л., 1966. Этот труд, созданный по совету Е. В. Тарле, — пока единственное комплексное исследование влияния блокады на русскую экономику, хотя и основанное на материалах лишь одного крупного архива — ЦГИА СССР (в Ленинграде).

ментов «Внешняя политика России XIX—начала XX в.», особенно т. IV—VI (1807—1812 гг.)³. Ряд важных уточнений о влиянии блокады на торговлю и финансы России вносят обширные комментарии к указанным томам, иногда играющие роль небольших исследований отдельных вопросов.

Следует отметить и еще одно отличие в принципиальном подходе к блокаде, характерное для современных (после второй мировой войны) советской и французской историографии: советские историки рассматривают блокаду как частный момент истории наполеоновских войн, преимущественно как новую, экономическую форму прежней военной и торговой борьбы французской буржуазии с Англией за мировые рынки и колонии. Поэтому в общих исследованиях по истории экономики России континентальная блокада или вообще не упоминается⁴, или о ней говорится как о событии, не оставившем заметного следа в русской экономике первой четверти XIX в.⁵ Наоборот, во французской буржуазной историографии (особенно так называемого экономического направления) блокаде придается всеобъемлющее, «универсальное» значение, она представляется как своеобразный ключ к пониманию истории наполеоновской империи.

Отсюда вытекает и различие в тематике исследований: если советская историография рассматривает блокаду преимущественно в специальных исследованиях, посвященных главным образом истории внешней политики и торговли России начала XIX в., то французская тяготеет к общим трудам по истории Первой империи во Франции в целом.

Французские буржуазные авторы до 30-х годов XX в. сравнительно слабо интересовались экономической политикой Наполеона⁶, однако позднее, в связи с развитием идей поли-

³ «Внешняя политика России XIX—начала XX в.» Серия первая, 1801—1815 гг. (далее — ВПР), т. IV (1807—1809). М., 1965; т. V (1809—1810). М., 1967; т. VI (1811—1812). М., 1962.

⁴ С. Г. Струмилин. Очерки экономической истории России и СССР. М., 1966; П. А. Хромов. Экономическое развитие России. М., 1967.

⁵ П. Л. Лященко. История народного хозяйства СССР. М., 1956; «Очерки экономической истории России первой половины XIX в.». Сборник статей. Под ред. М. К. Рожковой. М., 1959.

⁶ Известным исключением является работа Ж. Лефевра, сделавшего серьезную попытку связать политический и социально-экономический аспекты внутренней и внешней политики Наполеона (J. Lefebvre. Napoléon. Paris, 1932). Книга выдержала несколько изданий (последнее в 1953 г.).

гического и экономического объединения западноевропейских стран на базе общей экономики, некоторые французские буржуазные историки обратили внимание на континентальную блокаду. Они стали трактовать ее как исторический прообраз такого объединения, а заодно рассматривать всю внешнюю политику наполеоновской Франции в 1806—1813 гг. сквозь призму этой системы, которую они зачастую именуют «континентальной».

Некоторые французские авторы всерьез утверждают, будто экспансионистская политика Франции 1806—1812 гг. диктовалась стремлением Наполеона объединить Европу в интересах прогресса человечества. Один из самых известных буржуазных историков современной Франции А. Фюжье в четвертом томе «Истории международных отношений» пишет: «Как завоеватель Наполеон сетовал, что родился слишком поздно. Для того чтобы с помощью экономики изменить человеческое общество, он, без сомнения, родился слишком рано»⁷. В то же время старый тезис апологетов Наполеона о борьбе Франции за «защиту естественных границ», выдвинутый А. Сорелем и развитый в трудах его последователя А. Вандаля, у современных почитателей Наполеона приобретает новую форму. Продолжая рассматривать «императора французов» в качестве продолжателя дела Французской буржуазной революции, они делят всю историю «наполеоновских войн» на два этапа: 1799—1806 и 1807—1812 гг. На первом — Франция, по их мнению, оборонялась от легитимистских коалиций, а на втором — хотя и наступала, но во имя прогрессивной идеи «изменения человеческого общества при помощи экономики».

В трудах этих историков континентальная блокада приобретает характер высшего экономического императива, подчинившего себе все политические акции Наполеона. У А. Фюжье подобный императив выступает в форме фатального субъективного устремления Наполеона, у авторов пятого тома «Всеобщей истории цивилизаций» П. Мунье и Э. Лябрусса — в виде объективного фактора, независимо от воли Наполеона толкавшего его с 1806 г. на все новые и новые территориальные захваты. «Во исполнение блокады, —

---

⁷ А. Fugier. La Révolution française et l'Empire napoléonien. Paris, 1954, p. 242.

пишут они, — Наполеон завершает перестройку Европы»⁸. Поскольку в 1806—1807 гг. под эгидой Франции родилась новая «великая империя», она нуждалась в политическом и экономическом объединении для своего успешного развития на базе «континентальной системы». Так как объективные социально-экономических предпосылок не было, то для успешного функционирования нового конгломерата Наполеон вынужден был применить внеэкономическое принуждение по отношению к еще не доросшим до прогрессивной идеи «европейской интеграции» правительствам и народам. Кстати, с той же точки зрения некоторые современные французские историки рассматривают и нападение Наполеона на Россию в 1812 г.⁹

Отражение «универсальной» концепции мы находим также в трудах французских и других буржуазных авторов, посвященных конкретным аспектам континентальной блокады¹⁰. К сожалению, дань этой ошибочной концепции отдал и крупный французский специалист по континентальной блокаде Франсуа Крузе. Если в своем капитальном двухтомном труде «Британская экономика и континентальная блокада», целиком основанном на материалах английских и французских архивов, по глубине исследования влияния блокады на Англию он приближается к работе Е. В. Тарле, то в последующих статьях Крузе оказался в плену концепции об исторических корнях «европейской интеграции» и «общего рынка»¹¹.

Таким образом, некоторые крупные французские историки (П. Мунье, Э. Лябресс, А. Фюжье и др.) склоняются к мысли, что континентальная блокада объективно способст-

---

⁸ «Histoire générale des civilisations», t. V.—P. Mousnier, E. Labrousse. Le XVIII siècle. Révolution intellectuelle, technique et politique (1715—1815). Paris, 1955, p. 482.

⁹ См. В. Г. Сироткин. Война 1812 года в общих работах современных историков Франции. — «История СССР», 1962, № 6, стр. 185—188.

¹⁰ B. de Jouvenel. Napoléon et l'économie dirigée. Le blocus continental. Paris, 1942; M. Dupan. Napoléon et l'Allemagne (1806—1810). Le système continental et les débuts du royaume de Bavière. Paris, 1949; K. Heils. Les rapports économiques franco-danois sous le Directoire, le Consulat et l'Empire. Contribution à l'étude du système continental. Paris, 1958.

¹¹ F. Crouzet. Wars, Blockade and Economic Change in Europe, 1792—1815. — «The Journal of Economic History», 1964, № 4.

водела развитию капитализма в большинстве стран Западной Европы и, стало быть, имела объективно-прогрессивное значение. Модернизируя эту откровенную концепцию, другие авторы проводят идею о том, что блокада (чаще в этом случае употребляется слово «система») стимулировала экономические контакты и обмен в континентальной Европе, являясь своеобразным предтечей нынешнего «общего рынка» и будущей «интеграции».

В советской историографии уже была дана развернутая критика этих взглядов¹². Не отрицая объективно-прогрессивных последствий буржуазных реформ Наполеона (особенно в Италии и Германии), советские историки оспаривают утверждение своих французских коллег о прогрессивном значении континентальной блокады как таковой для всех без исключения стран Европы. Связывать развитие капитализма в Европе исключительно с системой континентальной блокады было бы ошибочным.

Несомненно, запретительные постановления блокады оказали определенное объективное воздействие на развитие экономики континентальной Европы (хотя, на наш взгляд, прогрессу новых, буржуазных отношений гораздо больше способствовал Гражданский кодекс, чем блокада). Но объективное воздействие экономических факторов, связанных с искусственным нарушением исторически сложившихся торговых отношений, нельзя подменять версиями о сознательном, преднамеренном стремлении Наполеона «изменить с помощью экономики человеческое общество». Нельзя и фетишизировать блокаду, утверждая, что она была своеобразным экономическим «императивом времени», толкавшим европейские страны к объединению.

Вторым спорным вопросом, тесно связанным с первым, является вопрос об объективном воздействии запретительных постановлений на экономику участников континентальной блокады: способствовала ли она развитию промышленности, т. е. ускоряла ли она процесс вызревания и развития капитализма, или, наоборот, тормозила его?

Положительный ответ в целом применительно к Франции, Италии, западной части Германии, т. е. к областям, наиболее

¹² В. Г. Сироткин. Континентальная блокада и «объединение Европы». — «Новая и новейшая история», 1964, № 3; А. Л. Нарочницкий. Об историческом значении континентальной блокады. — Там же, 1965, № 6.

тщательно огражденным от английской конкуренции и контрабанды, дал в свое время Тарле. Что касается Англии, то тщательное исследование Крузе дает отрицательный ответ: блокада и морская война замедлили промышленное развитие Англии.

Сложнее обстоит дело с ответом на вопрос об объективных последствиях участия в блокаде «периферийных» союзников Наполеона: России, Пруссии, Австрии и Швеции.

Оставляя вопрос о влиянии блокады на Пруссию, Австрию и Швецию в стороне, посмотрим, как освещается он в литературе применительно к России. Сразу оговоримся, что речь пойдет исключительно о советской литературе, ибо во Франции пока нет ни одного сколько-нибудь серьезного исследования по этому вопросу.

Остановимся прежде всего на общем вопросе: способствовала ли объективно блокада развитию капитализма в России? Еще на рубеже нашего века известный историк русской промышленности, тогдашний «легальный марксист» М. И. Туган-Барановский дал положительный ответ, ссылаясь на количественный рост русских бумагопрядильных мануфактур¹³. Позднее сторонником положительного влияния блокады на развитие капитализма в России стал выдающийся советский историк М. Н. Покровский¹⁴. Вместе с тем Покровский обратил внимание на две диалектически связанные стороны блокады: созидательную, способствовавшую появлению отечественных капиталистов, — таможенную защиту своей экономики от иностранной конкуренции, и разрушительную — внеэкономическую борьбу с «колониальными товарами», искусственно разрывавшую международный торговый обмен не только промышленными товарами, но и сырьем (хлопок), что подрывало развитие промышленности¹⁵.

До начала 30-х годов точка зрения Покровского на объективно-прогрессивные последствия блокады для развития русского капитализма была в советской историографии преобладающей.

---

¹³ М. И. Туган-Барановский. Русская фабрика в прошлом и настоящем. М., 1938.

¹⁴ М. Н. Покровский. Русская история с древнейших времен. — Избранные произведения, т. 2. М., 1965.

¹⁵ М. Н. Покровский. Дипломатия и войны царской России. М., 1923, стр. 31.

Но в 1931 г. А. В. Предтеченский выступил с диаметрально противоположным заключением¹⁶. По его мнению, блокада принесла только разорение и оказала совершенно незначительное влияние на развитие капитализма в России. Позднее точка зрения Предтеченского стала господствующей, вошла в школьные и вузовские учебники и большинство работ по истории внешней политики и торговли России первой половины XIX в.¹⁷ Сравнительно недавно с позиций той же концепции выступил В. К. Яцунский в небольшой статье, посвященной влиянию блокады на русскую хлопчатобумажную промышленность¹⁸. В общем отзыв концепции Предтеченского виден и в первой части капитального труда Злотникова (хотя и со значительными поправками и уточнениями, особенно о нейтральной и транзитной торговле России), подготовленного к изданию Яцунским, а также в комментариях к четвертому, шестому и особенно пятому томам «Внешней политики России XIX—начала XX в.»

Однако наряду с концепцией Предтеченского отдельные советские историки продолжали высказывать противоположную точку зрения. Еще в 1947 г. С. А. Покровский высказал утверждение о положительном влиянии блокады на отдельные аспекты русской внешней и внутренней торговли¹⁹. В 1949 г. М. К. Рожкова поддержала мнение о положительном влиянии блокады на русскую промышленность²⁰.

---

¹⁶ А. В. Предтеченский. К вопросу о влиянии континентальной блокады на состояние торговли и промышленности в России. — «Известия АН СССР». Отделение общественных наук, № 8. Л., 1931; см. также: он же. Борьба фритредеров с протекционистами в начале XIX в. — «Учебные записки ЛГУ». Серия историческая, вып. 5. Л., 1939; он же. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX в. М.—Л., 1957.

¹⁷ См., в частности: А. М. Станиславская. Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья (1798—1807). М., 1962; Л. Ю. Слезкин. Россия и война за независимость в Испанской Америке. М., 1964; Н. Н. Болховитинов. Становление русско-американских отношений. 1775—1815. М., 1966.

¹⁸ В. К. Яцунский. О влиянии континентальной блокады на русскую хлопчатобумажную промышленность. — «Вопросы народного хозяйства СССР». М., 1962.

¹⁹ С. А. Покровский. Внешняя торговля и внешняя торговая политика России. М., 1947.

²⁰ М. К. Рожкова. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX в. и русская буржуазия. М., 1949.

Общим недостатком и тех, и других работ было отсутствие специального исследования вопроса о влиянии блокады на экономику России в целом, использование отрывочных документальных данных (особенно о влиянии блокады на русскую промышленность), преимущественный анализ состояния внешней торговли России. Для работ, трактующих об отрицательном влиянии блокады, типично также стремление рассматривать итоги блокады сквозь призму войны 1812 года. Все это побудило в свое время Тарле²¹, а в наши дни — А. Л. Нарочницкого прийти к заключению, что «весьма сложным и еще совсем малоизученным является вопрос о влиянии континентальной блокады на Россию»²².

Из трех составных компонентов (торговля, финансы, промышленность), по которым следует, на наш взгляд, определять объективные результаты воздействия блокады на экономику России, подробнее всего исследован первый — внешняя торговля. В работах С. А. Покровского, Н. Н. Болховитинова, В. Г. Сироткина²³, частично — А. М. Станиславской и особенно М. Ф. Злотникова на основе архивных и статистических материалов детально прослеживается состояние внешней торговли России в 1806—1812 гг. и в целом (за исключением С. А. Покровского) делается вывод, что в данном аспекте своих объективных последствий блокада оказала отрицательное воздействие. Что касается степени отрицательного влияния блокады на русскую внешнюю торговлю, то здесь мнения расходятся. Так, приводимые Злотниковым статистические таблицы вносят существенные коррективы в категорическое утверждение Предтеченского о том, что «русское сырье лишалось сбыта»²⁴.

Известно, что тяжелее всего англо-русский разрыв сказался на балтийской торговле и положении купечества северных и западных портов (особенно петербургского). Поэтому русское балтийское купечество (традиционно тесно связанное с иностранным, прежде всего английским, капиталом) было главным противником блокады и сторонником восстановле-

²¹ Е. В. Тарле. Континентальная блокада, стр. 340.

²² А. Л. Нарочницкий. Указ. статья, стр. 58.

²³ В. Г. Сироткин. Дуэль двух дипломатий. Россия и Франция в 1801—1812 гг. М., 1966, гл. V. Континентальная блокада и нейтральная торговля.

²⁴ А. В. Предтеченский. К вопросу о влиянии континентальной блокады... стр. 894.

ния прежних торговых отношений с Англией. Именно петербургским купцам принадлежит большинство жалоб на отрицательные последствия разрыва с Англией²⁵. Обсуждение этих жалоб в Государственном совете (протоколы которого позже стали широко доступны историкам благодаря их публикации) рисовало действительно тяжелую картину русской внешней торговли. Однако петербургские купцы часто распространяли свои беды на всю русскую торговлю, финансы и даже промышленность, что далеко не всегда отражало реальное положение вещей. Кстати, именно петербургскими купцами был брошен панический клич, что «русское сырье лишается сбыта...» О том, как намеренно сгущались краски применительно ко всей торговле России в эпоху блокады, можно частично судить по двум документам, написанным в одном и том же (1810) году. Это доклад комитета петербургских негоциантов Государственному совету (на основе данных важного, но одного порта России) и отчет министра коммерции Н. П. Румянцева царю за 1809 г. (обзор всей внешней морской и сухопутной торговли страны). И хотя оба документа признают наличие серьезных трудностей в торговле и особенно финансах страны, негоцианты обходят молчанием известные успехи нейтральной торговли и транзита товаров из Азии в Европу, безосновательно считая, что Россия находится на пороге торговой катастрофы²⁶.

Очевидно, для объективного анализа состояния даже действительно тяжелого положения внешней торговли России того времени нужен более обстоятельный анализ всей (а не только балтийской) торговли, включая и данные торгова по сухопутной границе (особенно транзит). Характерно, например, что Злотников весьма положительно оценивал со-

---

²⁵ Среднегодовой экспорт России на Балтике до ноября 1807 г. составлял 40 млн. руб., из которых 32 млн. приходилось на Англию (ВПР, т. IV, стр. 154). В 1804 г. из главнейшего в России Петербургского порта (49% экспорта и 43% импорта всех русских портов) англичане вывозили 63%, русские — 35, прочие — 2% товаров. Ввоз составлял соответственно 62, 35 и 3% (М. Ф. Злотников. Указ. соч., стр. 28), см. также: ВПР, т. V, прим. 301. Записка петербургских купцов министру финансов Д. А. Гурьеву (март 1811 г.), а также т. IV, прим. 273 (жалобы 1808 г.).

²⁶ ВПР, т. V, док. 268. Записка Комитета петербургских негоциантов в Государственный совет (декабрь 1810 г.); док. 253. Отчет Н. П. Румянцева по Министерству коммерции (октябрь 1810 г.).

стояние черноморской торговли в годы блокады²⁷, и не случайно, что Государственный совет не занимался жалобами южнорусских купцов.

Важную роль в противодействии отрицательным последствиям блокады на экономику России сыграли предупредительные меры царского правительства. Среди них отметим общие меры по поощрению русского торгового сословия еще до присоединения к блокаде (манифест от 13 января 1807 г. «О даровании купечеству новых выгод»), а также организацию нейтральной и транзитной торговли во время блокады.

В исторической литературе о влиянии континентальной блокады на Россию не было обращено достаточного внимания на манифест от 13 января 1807 г. Между тем, как показало развитие русской внешней торговли в 1807—1812 гг., он был целой внешнеторговой программой русского правительства, разработанной тогдашним министром коммерции Н. П. Румянцевым. Манифест был проникнут идеей самостоятельного развития русской торговли под защитой государства, вне зависимости как от Англии, так и от Франции. В манифесте ставились три основные задачи: 1) создание отечественных акционерных торговых обществ («домов») с национальным капиталом; 2) предоставление дворянству права вступать в торговое сословие на правах купцов I и II гильдий; 3) запрещение иностранным купцам быть акционерами русских «торговых домов» и лишение иностранцев ряда привилегий²⁸. Появление манифеста было, несомненно, связано с провозглашением Наполеоном в ноябре 1806 г. континентальной блокады и стремлением русского правительства обеспечить развитие национальной торговли в условиях резкого нарушения международного обмена. Как писал один из анонимных корреспондентов будущему председателю Департамента государственной экономии Государственного совета Н. С. Мордвинову, дух манифеста свидетельствовал об отказе Румянцева от «космополитических идей» и возвращении России к «чисто национальным интересам»²⁹.

---

²⁷ М. Ф. Злотников. Указ. соч., стр. 253—257; см. также: В. А. Золотов. Внешняя торговля Южной России в первой половине XIX в. Ростов-на-Дону, 1963.

²⁸ ПСЗ, т. XXIX, стр. 974—978.

²⁹ Архив внешней политики России (далее — АВПР), ф. Канцелярия МИД, д. 7787, л. 4 (май 1807 г.).

Большие разногласия вызывает вопрос и об определении характера нейтральной торговли. Ряд исследователей упрощенно трактует ее как фактически замаскированную торговлю с Англией³⁰. Так, Злотников утверждал, что, «несмотря на строгости комиссий по делам нейтрального мореплавания, тайная торговля России с Англией производилась в течение всего периода континентальной блокады»³¹. На наш взгляд, Злотников, находясь под впечатлением почти исключительно материалов о контрабандной торговле (зачастую чиновники нейтральных комиссий для перестраховки зачисляли в разряд «контрабандных» даже явно нейтральные товары), преувеличивал экономическое значение английской контрабанды. Мы считаем, что приводимые Крузе из английских архивов данные больше отражают фактическое состояние дела. Французский историк считает, что вопреки распристрастному мнению контрабанда не была решающим фактором провала блокады, поскольку не была действительно торговым обменом, а являлась лишь одной из наиболее сильных форм экономической диверсии на континент³².

Фактически после провозглашения 21 ноября 1806 г. Наполеоном в Берлине знаменитого декрета о континентальной блокаде Британских островов, дополненного Миланскими декретами 23 ноября и 17 декабря 1807 г. об усилении режима блокады, и ответных мерах Англии о встречной блокаде побережья Франции и ее союзников (постановления Британ-

³⁰ И. Г. Гуткина идет даже дальше, считая, что по существу в 1807—1812 гг. между Россией и Англией втайне сохранялись не только торговые, но и политические отношения (И. Г. Гуткина. Дипломатические отношения между Англией и Россией в 1810—1812 гг. — «Ученые записки ЛГУ». Серия гуманитарных наук, № 87. Саратов, 1943).

³¹ М. Ф. Злотников. Указ. соч., стр. 170.

³² F. Grouzet. L'Economie britannique et le blocus continental. t. 2, p. 853, tabl. 1, 3; см. также: В. Г. Сироткин. Французский историк о внешнеторговой политике Англии в эпоху континентальной блокады. — «Вопросы истории», 1963, № 2, стр. 195—196. Англичане, сбывая свои товары, как правило, не покупали товары континентальные. В частности, в России такая «торговля» вела к еще большей утечке денег за границу. Перепродажа английской контрабанды в Западную Европу не компенсировала эту утечку. Согласно докладу Н. П. Румянцева царю от 2 (14) декабря 1809 г., англичане через подставных лиц искусственно сбывали курс русских ценных бумаг в Петербурге в надежде, что полное расстройство финансов «вызовет здесь губительное для государства брожение, бросит нас в объятия Англии и заставит вернуться к прежней системе политики» (ВПР, т. V, док. 149, стр. 315).

ского совета 11—18 ноября 1807 г.) европейская морская торговля первоначально была почти полностью дезорганизована. Все участники блокады сильно страдали от этой дезорганизации. Так, инициатор блокады — Франция за первые три года блокады ежегодно несла убытки от дефицита внешней торговли в размере 30 млн. франков. Однако поступающее международный обмен вели к тому, что, по выражению Ф. Энгельса, «торговая блокада становилась невыносимой». Объективные потребности развития экономики заставляли правящие классы стран — участниц блокады искать выход из ее тисков.

Английская буржуазия устремилась на рынки Латинской Америки. Одновременно она всячески развивала контрабандную торговлю в Европе, преследуя здесь две цели: экономическую (сбыт своих промышленных и колониальных товаров) и политическую (ослабление режима блокады и расшатывание финансовой системы Франции и ее союзников). В последнем случае английская контрабанда еще больше усиливала расстройство русской морской торговли и финансов.

Оказалась в трудном положении и французская буржуазия. Под давлением экономических требований с ее стороны Наполеон с 1809 г. вынужден был сам нарушать собственные распоряжения: французским и американским купцам он начинает выдавать лицензии на торговлю им же запрещенных товаров (включая английские). С 1810 г. выдача лицензий принимает во Франции массовый характер, вызывая справедливые нарекания в нарушении режима блокады со стороны союзников Наполеона. Последний и не скрывал этого, когда писал 19 сентября 1810 г.: «Мои лицензии являются молчаливым разрешением не соблюдать мои декреты...»^{32а}

Таким образом, блокада заставила каждого из трех главных действующих участников этого грандиозного эксперимента Наполеона действовать на свой страх и риск, ища выход из экономических трудностей: Англию — через контрабанду, Францию — посредством лицензий, Россию — на путях нейтральной торговли.

Наиболее дальновидные современники Тильзита (Н. П. Румянцев, Н. С. Мордвинов, М. М. Сперанский и др.) отдавали себе отчет, что резкое изменение традицион-

^{32а} ВПР, т. V, прим. 236.

ных торговых связей и методов вызовет наибольшую трудность при реализации союза с Францией, тем более что неудавшийся опыт франко-русских торговых отношений в 1801—1806 гг. не оставлял больших иллюзий³³. Они догадывались, что Франция не сумеет заменить Англию ни как потребитель русских экспортных товаров, ни как посредник в их реализации. Поэтому, лишив английских купцов всех привилегий на торговлю с Россией, русское правительство не отменило манифест от 13 января 1807 г. и не предоставило французским купцам никаких дополнительных преимуществ в торговле с Россией, кроме тех, которые вытекали из русско-французского торгового договора 1787 г.³⁴

Таким образом, обе стороны в силу целого ряда объективных и субъективных причин не смогли подвести под воздвигнутое их дипломатами политическое здание экономическую основу.

В новых условиях международного обмена царское правительство стремилось не ставить свою внешнюю торговлю в зависимость от политической конъюнктуры — союза с Англией или Францией, а попыталось найти выход на путях нейтральной торговли с третьими странами. Это стремление нашло свое выражение в подтверждении принципов вооруженного морского нейтралитета, что со всей четкостью было заявлено в декларации Александра I о разрыве отношений с Англией.

Не подлежит сомнению, что некоторые представители русских правящих кругов действительно пытались воспользо-

---

³³ В. Г. Сироткин. Из истории дипломатических и торговых отношений России с Францией и Англией в первые годы XIX в. — «Международные отношения. Политика. Дипломатия». Сборник статей. М., 1964, стр. 457—465.

³⁴ Русско-французский торговый договор 1787 г. (подтвержденный в 1802 г.) был довольно выгоден Франции, особенно при торговле с Россией через Черное и Азовское моря (Е. В. Тарле. Была ли екатерининская Россия экономически отсталой страной? — Сочинения, т. IV. М., 1958, стр. 455). Однако, несмотря на благоприятные после Тильзита возможности в торговле с южнорусскими губерниями и благосклонное отношение Турции к проходу французских торговых судов в Черное море, Франция смогла, например, в 1808 г. послать только 87 кораблей из общего числа 1614 посетивших черноморские порты России (М. Ф. Злотников. Указ. соч., стр. 295, 330). Как отмечает А. Фюжье, «французский рынок не принес облегчения русской экономике, и недовольство московского дворянства союзом с Наполеоном не уменьшалось» (A. Fugiere. Op. cit., p. 284).

ваться англо-русским разрывом для уменьшения зависимости русской внешней торговли от посредничества англичан и укрепления самостоятельности русских экспортеров за счет развития отечественного торгового флота, а также использования нейтральных, главным образом американских, ганзейских (на Балтике и Белом море) и греческих (на Черном море) судов.

Немаловажную роль играли также соображения, что участие России в блокаде стимулирует развитие отечественной промышленности, уменьшит зависимость страны от привозных изделий. Это со всей очевидностью вытекало из коллективного доклада трех министров вскоре после англо-русского разрыва. Констатируя рост цен и нехватку промышленных товаров, министры писали Александру I: «Отъемя, таким образом, поползновение к произвольному возвышению цен на товары, дороговизна некоторых статей, из чужих земель привозимых, и единственно от внезапного разрыва с англичанами возникшая, не может быть постоянна и неминуемо уменьшится, коль скоро повысится наш курс посредством требования наших товаров другими нациями. И если бы некоторые товары и остановились в цене высокой, то в соображении общих государственных выгод из сих самих обстоятельств выйдет та польза, что высокие цены, прельщая промышленность в народе, заставят те же товарные статьи производить дома и посредством труда искать прибылей, теми товарами приносимых»³⁵.

Один из главных вдохновителей этой политики, министр коммерции и канцлер Н. П. Румянцев, отстаивал принцип протекционизма (поощрения и защиты) русской торговли и промышленности, видя в этом один из важных источников пополнения казны. Еще в 1802 г. Румянцев представил царю обширный доклад, в котором предлагал сократить ввоз в Россию иностранных товаров и всемерно поощрять вывоз русских, а также развивать транзитную торговлю между Западной Европой и Азией³⁶.

---

³⁵ ВПР, т. IV, стр. 114. Коллективный доклад министра коммерции и управляющего Министерством иностранных дел Н. П. Румянцева, министра юстиции П. В. Лопухина и министра военных сухопутных сил С. К. Вязмитинова Александру I от 13 (25) ноября 1807 г.

³⁶ «Министерство финансов. 1802—1902», ч. 1. СПб., 1902, стр. 126—132. М. Ф. Злотников. Указ. соч., стр. 11; см. также отчеты Н. П. Румянцева по Министерству коммерции за 1805 г. (ВПР,

В 1808 г., став канцлером, Румянцев попытался реализовать свои прежние проекты развития русской торговли и промышленности в условиях резкого изменения международных экономических связей, вызванного континентальной блокадой. Им были сделаны попытки как-то узаконить нейтральную торговлю путем введения специальных регламентаций.

Особое внимание Румянцев снова обратил на развитие южнорусской торговли (по Черному и Каспийскому морям, где режим блокады был значительно слабее), а также на транзитную торговлю со Средней Азией и Дальним Востоком. Царское правительство стремилось привлечь нейтральные суда в свои черноморские порты. Так, 13 октября 1809 г. был издан указ о свободном допуске греческих торговых судов³⁷.

Румянцев попробовал также наладить регулярную торговлю через Среднюю Азию с Индией. Но этот проект в тот период не был реализован из-за его дороговизны и опасности путешествия. Кроме того, англичане, державшие торговлю с Индией в своих руках, стали чинить препятствия. Румянцев предлагал торговать даже с далекой Латинской Америкой. 12 февраля 1810 г. он представил в Государственный совет записку о выгодах торговли с Бразилией (тогда — колонией Португалии) и предложил внести соответствующие исправления в русско-португальский торговый договор 1798 г. Предложение было принято, и 17 мая 1810 г. изменения, поощрявшие торговлю с Латинской Америкой, были внесены³⁸. По существу это была целая программа организации торговли России в условиях ухода англичан с русских рынков и общего расстройтва торгового обмена, вызванного блокадой и войной на море.

т. III, док. 180), 1806 г. (ЦГИА СССР, ф. 13, оп. 2, д. 1261 «б»); 1807 и 1808 гг. (ВПр, т. IV, док. 57, 202, 231), 1809 г. (ВПр, т. V, док. 253).

Статистические приложения к отчетам Н. П. Румянцева за 1802—1807 гг. см.: «Государственная торговля в разных ее видах». СПб., 1802—1807 гг.

³⁷ АВПр, ф. СПб. Главный архив, 1809—1812 гг., д. 1 (Бумаги нейтральных комиссий мореплавания); ПСЗ, т. XXX, стр. 475—476; 959—960, 1013—1015; ВПр, т. V, док. 33, 88, 115, стр. 57, 245, 449—450.

³⁸ Л. Ю. Слезкин. Указ. соч., стр. 59; ВПр, т. VI, док. 168, прим. 91—93.

В числе причин, значительно ослабивших эффект системы нейтральной торговли, можно указать следующие политические и экономические факторы.

Во-первых, России не удалось привлечь к морскому вооруженному нейтралитету Данию и Швецию, обладавших сильным флотом. В сентябре 1807 г. Англия захватила почти весь датский флот. Швеция, отказавшаяся присоединиться к франко-русскому союзу и блокаде, оказалась в состоянии войны с Россией. Позднее по русско-шведскому договору от 17 сентября 1809 г. шведское правительство формально примкнуло к блокаде. Однако участвовать в системе нейтральной торговли Швеция отказалась, предпочтя роль посредника в русско-английской контрабандной торговле.

Таким образом, зафиксированная в Тильзитском союзе надежда на создание лиги держав третьего вооруженного морского нейтралитета осталась на бумаге. Фактически России при проведении в жизнь принципа нейтральной торговли пришлось опираться только на свой явно слабый торговый флот и на американские и ганзейские суда.

Во-вторых, сама организация нейтральной торговли, требовавшая постоянного государственного вмешательства (комиссии нейтрального мореплавания), многочисленные регламентации, запрещения сильно мешали торговле такого рода. Суда подолгу простаивали в портах, капитаны вели тяжбу с чиновниками комиссий, доказывая свою «нейтральность». Терялось время, сокращался грузооборот, судовладельцы несли убытки. В отчете Департамента государственной экономики от 20 сентября 1810 г. отмечалось следующее: «Употребляемые чиновниками нейтральных комиссий прицепки, исследования, помешательства в погрузке судов и другие остановки навели стеснение не англичанам, но нейтральным мореплавателям и собственным нашим подданным, и можно сказать, что враждебные действия противу торговли не на море, но в недрах наших происходят. Многие сведомые департаменту поступки нейтральных комиссий дают повод заключить, что Россия более несет вреда от превратного выполнения континентальной системы, нежели от самого принятия системы ее, и что потому весь вред и расстройство по торговле обратились противу одной России»³⁹.

---

³⁹ «Архив Государственного совета», т. IV, ч. 1. СПб., 1881, стб. 36; М. Ф. Злотников. Указ, соч., стр. 223.

В-третьих, несомненно, большую дезорганизацию во всю систему нейтральной торговли вносила английская контрабанда. Англичане скоро оценили свои преимущества первой морской державы и не стали мешать нейтральному мореплаванию; наоборот, под прикрытием нейтрального флага и поддельных документов, они начали сбывать товары в Россию. 26 апреля 1809 г. Британский совет даже отменил свои постановления 1807 г. о встречной морской блокаде побережья Балтики.

При всех недостатках морская нейтральная торговля (наряду с сухопутной) позволила частично ликвидировать тот кризис, который возник после разрыва англо-русских экономических отношений.

Особенно важна была нейтральная русско-американская торговля, поскольку она производилась главным образом через те порты (Петербург, Рига и Архангельск), которые больше всего испытывали режим блокады. Как показано в капитальном исследовании Н. Н. Болховитинова, американцы были главными посредниками в нейтральной торговле России 1809—1811 гг. на Балтике и Белом море. На американских судах вывозилось в период континентальной блокады и большинство русских экспортных товаров (парусина, холст, пенька, железо). В 1811 г. — году расцвета американо-русской торговли — на Россию приходилось около 10% всего экспорта США⁴⁰. И хотя русско-американская торговля далеко не компенсировала русско-английской, она все же была крупной отдушиной для балтийского и архангельского купечества и русской хлопчатобумажной промышленности.

Таким образом, вопреки распространенному в советской исторической литературе мнению уход англичан из русской торговли не привел к катастрофе, хотя и вызвал серьезные трудности (табл. 1 и 2).

---

⁴⁰ Н. Н. Болховитинов. Указ. соч., стр. 389. Интересно, что посредничеством американцев не менее активно пользовалась и Франция. Так, в августе 1810 г. французское правительство выдало амеоиканским купцам 100 лицензий для ввоза во Францию колониальных товаров. Министр иностранных дел Шампанья даже пообещал посланнику США в Париже вообще отменить все запретительные постановления блокады, если американцы выступят посредниками между Англией и Францией в торговом и колониальном споре. 1 ноября 1810 г. Шампанья убедил Наполеона издать декрет о льготах для американских купцов при торговле с Францией (ВПР, т. V, прим. 324, 357).

Таблица 1

Внешняя торговля России до присоединения к блокаде
(в млн. руб. серебром) *

Год	Экспорт	Импорт	Общий оборот	Баланс
1801	44,5	34,6	79,1	+9,9
1802	49,4	40,3	89,7	+9,1
1803	59,0	44,4	103,4	+14,6
1804	51,7	39,2	90,9	+12,5
1805	60,7	42,7	103,4	+18,0
1806	49,6	37,6	87,2	+12,0

* М. Ф. Злотников. Указ. соч., табл. 2.

Таблица 2

Внешняя торговля России во время блокады
(в млн. руб. серебром) *

Год	Экспорт	Импорт	Общий оборот	Баланс
1807	40,4	27,2	67,6	+13,2
1808	28,3	16,2	44,5	+12,1
1809	34,5	19,8	54,3	+14,7
1810	34,2	20,6	54,8	+13,6
1811	34,7	23,1	57,8	+11,6
1812	38,8	23,2	62,0	+15,6

* М. Ф. Злотников. Указ. соч., стр. 57; ср. ВПР, т. IV, прим. 273. «Ведомость вывоза и ввоза товаров, составленная в государственной коммерц-коллегии по донесениям пограничных таможен и застав за 1807—1809 гг.» (Со значительными расхождениями против данных Злотникова).

Анализ приведенных данных показывает, что хотя средний внешнеторговый оборот в 1807—1812 гг. и сократился весьма значительно (примерно на 40 млн.) по сравнению с 1801—1806 гг., тем не менее русская внешняя торговля была в целом прибыльной, ибо ее актив как до блокады, так

и во время нее оставался примерно на уровне 10 млн. в год ⁴¹.

Важное место в вопросе о выяснении влияния блокады на Россию занимает также финансовая проблема. Правда, специальных исследований по этому вопросу в советской историографии нет ⁴². Известно, что расстройство финансов, постоянный дефицит бюджета, инфляция (выпуск ассигнаций) в огромной степени явились причинами того, что русское правительство не смогло выделить достаточно кредитов на поддержку торгового сословия и развитие нейтральной торговли. Плачевное состояние финансов в начале XIX в. отмечали многие русские историки ⁴³. В свое время В. И. Пичета одной из главных причин расстройства финансов в 1806—1812 гг. называл почти непрерывные войны России в XVIII—начале XIX в. ⁴⁴ В их ряду находилась и континентальная блокада. Однако после выступления А. В. Предтеченского об определяющем значении англо-русских отношений для развития русской экономики акцент был смещен на блокаду ⁴⁵. Она стала рассматриваться как главное зло всех финансовых затруднений России перед войной 1812 года. Несомненно, блокада больно ударила по и без того тяжелому финансовому положению России. Но видеть в ней корень бед, на наш взгляд, было бы ошибочным.

В Центральном государственном историческом архиве СССР в Ленинграде в фонде Государственного совета хра-

---

⁴¹ Характерно, что и после отмены режима блокады летом 1812 г. и восстановления англо-русских отношений внешнеторговый оборот России остался на уровне 1807 г. и только после окончания войны с наполеоновской Францией достиг (в 1816 г.) среднегодового оборота наиболее прибыльных лет (1802—1805 гг.) (М. Ф. Злотников, Указ. соч., табл. 56).

⁴² В общем виде состояние финансов 1806—1812 гг. рассмотрено М. Ф. Злотниковым (указ. соч., гл. IX. Финансы России в период блокады); ассигнования на армию и флот в 1803—1814 — А. Г. Бескровным («Отечественная война 1812 года», М., 1962, стр. 249—251).

⁴³ И. С. Блюх, Финансы России XIX столетия, т. I, СПб., 1882; К. В. Сивков, Финансы России перед войной 1812 года. — «Отечественная война и русское общество», т. 2, М., 1912; В. И. Пичета, Финансы в царствование Александра I — «Три века. Россия от смуты до нашего времени». Исторический сборник, т. V, М., 1913.

⁴⁴ В. И. Пичета, Указ. статья, стр. 229.

⁴⁵ А. В. Предтеченский, К вопросу о влиянии континентальной блокады..., стр. 920. С некоторыми оговорками эту точку зрения разделяет и М. Ф. Злотников (указ. соч., стр. 335—336).

нится интересный доклад канцлера Румянцева Александру I, озаглавленный «О средствах к поправлению курса». Возражая тем, кто считал, что все экономические и финансовые трудности (в частности, падение курса рубля) России идут исключительно от разрыва с Англией, Румянцев указывал на рост ассигнований на оборону страны. По мнению Румянцева, именно военные ассигнования наряду с покрытием старых военных долгов по иностранным займам привели к чрезмерному выпуску ассигнаций, вызвавшему падение курса рубля⁴⁶.

Ознакомление с бюджетом России на 1807—1811 гг. позволяет обнаружить довольно любопытную картину: несмотря на прекращение войны России против Франции и их союз, официальные государственные ассигнования царского правительства на Военное и Морское министерства не только не сократились, а постоянно увеличивались и даже превосходили ассигнования периода войны 1806—1807 гг. Так, в первой половине 1807 г., когда Россия полным ходом вела военные действия против Франции, Министерству сухопутных военных сил было отпущено 43 млн. руб. В 1808 г., когда Россия и Франция были уже в мире, эта сумма составила 53 млн. В 1809 г. она возросла до 64,7 млн., а в 1810 г. — уже до 92 млн. К 1811 г., когда близость войны с Францией стала очевидной, ассигнования достигли огромной суммы — 113,7 млн. руб.⁴⁷

⁴⁶ ЦГИА СССР, ф. 13 (Министерство финансов), д. 1556, лл. 16—19. Доклад Румянцева Александру I от 26 ноября (8 декабря) 1809 г.; см. также: ВПР, т. V, док. 143 (опубл. по нашему предложению); М. Ф. Злотников. Указ. соч., стр. 342—343 (без указания архивного шифра). При характеристике этого доклада Злотников недооценивал роль военных ассигнований в ухудшении финансового положения России в 1809—1812 гг.

⁴⁷ ЦГИА СССР, ф. 1152, д. 219, лл. 25, 68, 92, 107. Росписи о государственных доходах и расходах за 1807—1811 гг. Правда, при всех этих подсчетах надо иметь в виду, что в 1807—1811 гг. Россия вела войны против Турции, Швеции и Персии. Поэтому часть ассигнований уходила на содержание русских войск на турецком, шведском и персидском театрах военных действий. В 1809 г. для этого, например, было дополнительно выделено 17,8 млн. руб. («Архив Мордвиновых», т. III, СПб., 1902, стр. 468). Однако в общем балансе ассигнования на войны со Швецией, Турцией и Персией даже в 1809 г. составляли менее 50% всей суммы военных расходов. Следует отметить, что Л. Г. Бескровный со ссылкой на И. С. Блиоха приводит еще более внушительные цифры ассигнований на армию и флот (Л. Г. Бескровный. Указ. соч., стр. 249, а также ВПР, т. V, прим. 271).

Таким образом, с 1807 по 1811 г. официальные государственные ассигнования на оборону возросли более чем в 2 раза. Фактически они были гораздо больше, ибо в бюджет не входили так называемые экстраординарные расходы. Так, в 1810 г. в связи с усилением франко-русских противоречий и началом открытой подготовки Франции к войне против России Военному министерству было выделено дополнительно 25,5 млн. руб. Характерно, что созданная в 1806 г. на случай отражения возможного вторжения Наполеона в Россию милиция (ополчение) после Тильзита не только не была распущена, но и сохранилась, и в 1809 г. на жалованье ополченцам было отпущено 3,2 млн. руб.⁴⁸

Значительная часть этих ассигнований шла на производство оружия внутри страны, а также на его закупки за границей. Так, едва заключив мир с Францией, царское правительство организовало массовую нелегальную закупку и производство оружия в Австрии⁴⁹.

При обсуждении финансового положения России на заседании Государственного совета в мае 1810 г. министр финансов Д. А. Гурьев сообщил, что дефицит казны хотя и уменьшился до 77 млн. руб. (из них 65 млн. — военные долги за 1805—1809 гг. по внешним займам) против 157 млн. в 1809 г., тем не менее причины инфляции не устранены. Важнейшая из них (наряду с отрицательными торговыми последствиями блокады) — увеличение ассигнований на оборону: «Число армии, нужное, может быть, для защиты империи от внезапного прикосновения к целостности оной, — отмечал Гурьев, — есть несоразмерное народному ее достоянию»⁵⁰. Тем не менее Совет постановил, что ассигнования на армию и флот сокращению не подлежат.

Наконец, менее всего изученным является вопрос о влиянии режима блокады на русскую промышленность. Между тем в значительной степени именно от ответа на этот вопрос зависит решение спора: способствовали ли или, наоборот,

⁴⁸ ЦГИА СССР, ф. 560 (Министерство финансов), д. 44, л. 66.

⁴⁹ ВГР, т. IV, прим. 162.

⁵⁰ «Архив Государственного совета», т. IV, ч. 1, стб. 23. На 1 января 1810 г. Россия держала под ружьем около 697 тыс. солдат («Архив Мордвиновых», т. III, стр. 469). Любопытно, что по более поздним подсчетам Гурьева, расходы на армию и вооружение в 1806—1809 гг. (412 млн. руб.) почти в 2 раза превосходили аналогичные расходы в 1812—1814 гг. (239 млн. руб.) (М. Ф. Злотников. Указ. соч., стр. 339).

тормозили развитие капитализма в России объективные последствия блокады? К сожалению, отечественная историография не располагает пока опубликованным комплексным монографическим исследованием по этой важной проблеме. Имеющиеся исследования как «за» (М. И. Туган-Барановский, М. Н. Покровский и др.), так и «против» (А. В. Предтеченский, В. К. Яцунский и др.) базируются на отрывочных данных, фактически — на примере одной бумагопрядильной мануфактуры — Александровской в Петербурге. Но Покровский писал, что «историк русского хозяйства никогда не забудет, что расцвет русского бумагопрядильного производства был создан именно Тильзитским миром»⁵¹, тогда как Яцунский отмечал, что «для бумагопрядильного производства континентальная блокада создала своеобразную тепличную обстановку»⁵². Сторонники положительного влияния блокады на русскую промышленность ссылаются также на количественный рост бумагопрядильных мануфактур (1 — в 1808 и 16 — в январе 1812 г.)⁵³. Их оппоненты делают упор на качестве выпускаемой пряжи, подчеркивая ее низкие (по сравнению с импортной английской) текстильные показатели и высокую стоимость. Так, Яцунский считал, что доморощенная пряжа далеко отставала от мировых стандартов, а искусственные меры правительства по стимулированию бумагопрядения вели к удорожанию полуфабрикатов и в конечном итоге — к замедлению хлопчатобумажного производства в России. Повторяя тезис Предтеченского, Яцунский утверждал, что без тесного англо-русского технического и сырьевого сотрудничества развитие слабой русской промышленности было невозможно. А раз так — блокада сыграла отрицательную роль⁵⁴.

⁵¹ М. Н. Покровский. Русская история с древнейших времен. — Избранные произведения, кн. 2, стр. 203.

⁵² В. К. Яцунский. Указ. соч., стр. 310.

⁵³ М. И. Туган-Барановский. Русская фабрика в прошлом и настоящем, стр. 56—57; М. Н. Покровский. Указ. соч., стр. 177. Однако тот же Туган-Барановский отмечал, что после пожара Москвы $\frac{2}{3}$ этих фабрик сгорело, что затормозило развитие русского хлопчатобумажного производства до конца 20-х годов XIX в. Поэтому судить о состоянии бумагопрядильного дела после 1812 г. можно было только по Александровской мануфактуре (М. И. Туган-Барановский. Война 1812 года и промышленное развитие России. — «Отечественная война и русское общество», т. VII. М., 1912).

⁵⁴ В. К. Яцунский. Указ. соч., стр. 310.

Важную роль в вопросе о развитии русской хлопчатобумажной промышленности в годы блокады имел импорт нейтрального американского хлопка. Его роль как основного сырья недостаточно показана в работах Туган-Барановского, Покровского и обойдена молчанием в статьях Предтеченского и Яцунского. Между тем он не только обеспечил русский рынок, но стал предметом реэкспорта русскими купцами в Западную Европу⁵⁵. Однако была ли его переработка в России выгодней покупки готовой английской пряжи, неизвестно.

Таким образом, обзор новейшей французской и советской литературы свидетельствует о наличии различных точек зрения в оценке континентальной блокады в целом и ее влиянии на отдельные страны. Современная французская буржуазная историография считает блокаду стимулятором развития капитализма в экономике стран Западной Европы, видя в ней либо объективное веление времени, либо «экономический гений» Наполеона. Нередко это служит делу модернизации истории в угоду поборникам «общего рынка» и политической интеграции Западной Европы.

Советские историки отвергают такую интерпретацию блокады. Они рассматривают ее как один из важных моментов наполеоновских войн, как новую, экономическую форму англо-французской борьбы за мировую гегемонию.

По вопросу об объективных последствиях блокады для отдельных стран различие точек зрения наблюдается не только между двумя историографиями, но и внутри каждой. Особенно большие споры вызывает вопрос о влиянии блокады на Россию. В советской историографии отчетливо прослеживаются две точки зрения. Некоторые историки считают объективные последствия блокады благоприятным фактором для развития промышленности. Большинство же отрицает это.

Общим недостатком является отсутствие комплексного исследования о влиянии блокады на всю русскую промышленность, а не только на ее отдельные отрасли. Это позволяет сказать, что вопрос пока остается открытым.

Представляется доказанным отрицательное влияние блокады на торговлю России по Белому и особенно Балтий-

⁵⁵ Е. В. Тарле. Континентальная блокада, стр. 364—366; М. Ф. Злотников. Указ. соч., стр. 325—326; Н. Н. Болховитинов. Указ. соч., стр. 396—397.

скому морям. Вместе с тем смещение акцента в сторону исключительного, всеобъемлющего значения англо-русских торговых отношений для успешного развития экономики России по капиталистическому пути в начале XIX в. вряд ли оправдано.

И хотя англо-русский разрыв, несомненно, отразился на экономике России, главная причина трудностей была все же не в нем. Она крылась в общей дезорганизации торговли, вызванной континентальной блокадой, в войне на суше и на море и непомерных расходах царского правительства на армию, не позволявших ассигновать необходимые кредиты на поддержку русского торгового и промышленного сословия.

Царское правительство испытывало торговые и особенно финансовые трудности и до разрыва англо-русских отношений. Участие в блокаде чрезвычайно усилило эти трудности. Система нейтральной торговли на море и интенсивное развитие торга по сухопутным границам страны были одной из таких временных мер. Хотя нейтральная торговля и спасла русскую внешнюю торговлю от застоя, несколько уменьшила дефицит казны и способствовала развитию бумагопрядения, тем не менее эта мера не могла стать панацеей от многочисленных бед, к числу которых относилась и блокада.